

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.
М26 **Смерть ради смерти / Александра Маринина.** — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спецна).
ISBN 978-5-699-80703-1

То, с чем на этот раз столкнулась Анастасия Каменская, больше похоже на выдумку фантаста — в одном из районов Москвы резко возрос уровень преступности. Невероятно, но прибор, разработанный в одном из здешних научных институтов, стимулирует агрессию. И, похоже, кто-то хочет с его помощью манипулировать людьми. Он упорно идет к цели, с изощренной выдумкой уничтожая тех, кто стоит на его пути. Но все же он не демон зла, а всего лишь человек, которому свойственно ошибаться. Чтобы заставить этого человека совершить ошибку, Анастасии придется пройти по узкому мостику между жизнью и смертью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маринина А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018
ISBN 978-5-699-80703-1

Глава 1

1

Ольга Красникова в сердцах швырнула на рычаг телефонную трубку.

— Опять? — хмуро спросил муж.

Ольга молча кивнула. Вот уже две недели какой-то человек одолевал их телефонными звонками, угрожая рассказать их сыну Диме о том, что они его когда-то усыновили, если Красниковы не заплатят ему десять тысяч долларов.

— Хватит, Оля, надо поговорить с Димой. Нельзя скрывать это до бесконечности.

— Да ты что? — всплеснула руками Ольга. — Как же мы ему расскажем? Нет, ни за что!

— Как ты не понимаешь, — разозлился Павел Красников, — мы не должны позволять себя шантажировать. Мы же повесим себе ярмо на шею на долгие годы. Где мы возьмем такие деньги? А если он и дальше будет требовать? Из дома начнут исчезать вещи, мы станем экономить на еде и на всем необходимом. И как мы это объясним сыну? Все равно придется рассказывать правду.

Ольга тяжело опустилась на стул и заплакала.

— Но... я не знаю как... Такой возраст... Ты же видишь, как ему сейчас трудно, у него ломается характер. Эта история с джинсами... Как он отнесется, если мы ему расскажем? Паша, я боюсь. Может, не надо рассказывать?

— Надо, — жестко ответил Павел. — И я сделаю это немедленно.

Он решительно вышел из кухни, оставив плачущую жену в одиночестве.

Пятнадцатилетний Дима сидел в своей комнате за уроками. Высокий, нескладный, он со своей длинной, по-детски тонкой шеей и ботинками сорок четвертого размера был похож на страусенка. Всегда был тихим домашним мальчиком, и вот, пожалуйста, эта дурацкая и совершенно непонятная история с джинсами, которые он пытался украсть в магазине. Попался он сразу же, его схватили за руку продавщицы, тут же вызвали милицию, составили протокол, а паренька отправили в камеру. Ольга с Павлом подхватились, заняли денег, заключили соглашение с адвокатом, который взялся быстренько вытащить мальчика если уж не из уголовного дела, то хотя бы из камеры. Родители долго ломали голову над тем, что же вдруг случилось с их домашним, тихим и послушным сыном. Сам Димка ничего членораздельного объяснить не мог. Было это четыре месяца назад, и с тех пор Дима Красников стал еще тише, еще послушнее, даже учиться стал вроде получше. Похоже, он и сам не понимал, что на него тогда нашло...

Павел решительно вошел в комнату сына и уселся на диван.

— У меня к тебе серьезный разговор, Дмитрий.

Мальчик оторвался от тетрадки и с опаской поглядел на отца.

— Ты, наверное, не знаешь, но у нас с мамой неприятности, — начал Красников.

— Это... из-за тех джинсов? — робко предположил Дима.

— Нет, сынок. Нам вот уже две недели звонит какой-то человек и вымогает деньги. Большие деньги, десять тысяч долларов.

— За что?! — ахнул Димка. — Вы что, преступники?

— Как тебе не стыдно, Дмитрий, — строго произнес Павел. — Ты и в мыслях не должен такого допускать. Дело в другом. Ты помнишь, что у твоего дедуш-

ки Михаила, маминого отца, был брат Борис Федорович? Он был намного старше твоего дедушки и умер, когда ты еще не родился?

— Да, вы мне рассказывали. Я и фотографии видел в альбоме.

— А ты знаешь, что у дяди Бориса, вернее, у дедушки Бориса была дочка, Вера?

— Да, мама говорила, что она тоже умерла давно.

— Так вот, она умерла, когда рожала сына. Его называли Димой.

— Как меня? — удивился мальчик.

— Не КАК тебя. Просто — ТЕБЯ.

Дима нахмурился и сосредоточенно уставился в лежащий перед ним учебник физики.

— Я не понял, — наконец выдавил он, не поднимая глаз на отца.

— Твоя мама умерла, сынок, — мягко сказал Павел. — И мы тебя усыновили. Пришло время рассказать тебе об этом.

Дима снова умолк надолго, переваривая услышанное и стараясь не глядеть на Павла. Молчание становилось тягостным, но Красников-старший не мог придумать, как его прервать, чтобы не причинить ребенку еще большую боль.

— А мой отец? — подал голос Дима. — Он кто?

— Ну какое это имеет значение, сынок, — ласково сказал Павел. — Твоя мама не была замужем, и твой отец, вполне возможно, даже не знает о твоём существовании. Твои родители — мы, Красниковы. Ты был у нас на руках с момента рождения, ты носишь нашу фамилию, мы вместе прожили пятнадцать с лишним лет, это ведь немало, согласишься. И ты уже достаточно взрослый, чтобы можно было говорить с тобой открыто, не обманывая.

— Значит, я вам совсем неродной? — упрямо спросил Димка.

— Глупости, — отрезал Павел. — Во-первых, Вера была двоюродной сестрой мамы, так что кровное род-

ство у нас есть. А во-вторых, что такое «родной — не родной»? Родной — это человек, которого ты любишь, близкий тебе, дорогой человек. А в том, что для нас с мамой ты близкий, любимый и дорогой, нет никаких сомнений. Так что ты в полном смысле слова наш родной сын. И не смей никогда думать по-другому.

— Хорошо, папа, — почти шепотом ответил мальчик.

Павел поднялся. Он был человеком добрым, но несколько суховатым, и сейчас растерялся, потому что не знал, что нужно делать дальше.

— Тебе, наверное, нужно побыть одному, подумать над тем, что я сказал, — неуверенно произнес он. — А я пойду к маме, она очень переживает.

Ольга стояла на кухне с опухшими от слез глазами и нервно перетирала полотенцем только что вымытую посуду.

— Ну что? — кинулась она к мужу. — Сказал?

— Сказал.

— И как он?

— Трудно сказать. Думает.

— Но он не плачет? — встревоженно спросила она.

— Кажется, нет.

— Ой, господи, — простонала Ольга, — за что нам такое испытание! Чем мы провинились? Только бы он сейчас не замкнулся, не отошел от нас, не считал нас виноватыми.

— Ну что ты такое говоришь, — возмутился Павел. — Почему он должен считать нас виноватыми? В чем?

— Да разве я знаю? — горестно махнула она рукой. — Разве можно понять, что у них в голове делается?

Она принялась накрывать стол к ужину, достала из холодильника сковороду с жареным мясом, нарезала хлеб. Через некоторое время робко сказала:

— Надо звать Димку ужинать. А я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Не знаю. Страшно. Боюсь с ним встречаться. Может, ты позовешь?

Павел пожал плечами и громко крикнул:

— Сынок! Мой руки и иди ужинать!

Голос его сорвался и прозвучал как-то хрипло и фальшиво. Он и сам не ожидал, что тоже волнуется, и смущенно улыбнулся жене.

Послышались торопливые шаги, Димка шмыгнул в ванную, откуда донесся шум льющейся воды.

— Не нервничай, — тихонько шепнул Павел жене. — Все будет хорошо, я уверен. Мы с тобой все сделали правильно. Если бы мы сейчас промолчали, дальше было бы только хуже, поверь мне.

Когда мальчик появился перед родителями, то по его дрожащим губам было видно, что он нервничает не меньше их. Он молча сел за стол и начал есть. Ольге и Павлу кусок в горло не лез. Наконец Ольга не выдержала:

— Сынок, ты очень расстроен?

Димка оторвался от тарелки и осторожно взглянул на мать.

— Я не знаю. Наверное, нет. В кино показывали, что дети начинают биться в истерике, когда им такое говорят, ну и вообще... Я, наверное, тоже должен плакать, да?

— Что ты, сынок, плакать не нужно. Ничего же не изменилось, правда? Ты все равно наш сын, а мы — твои родители. А в кино показывают всякие глупости специально, чтобы нагнать напряжение.

Павел довольно улыбнулся. Он так и знал, что все обойдется, он не ошибся в своем Димке. И в своей Олечке он тоже не ошибся.

— Теперь пусть нам звонит кто угодно, — бодро сказал он, — нам теперь никто не страшен, верно?

Но радость его оказалась преждевременной, потому что когда через два дня вымогатель позвонил снова, то просто-напросто не поверил тому, что услышал от Ольги.

— Нашли дурака, — нагло рассмеялся он в трубку. — Так я вам и поверил. Пусть ваш сын сам подойдет к телефону и скажет, что он все знает, тогда поверю.

— Но его нет дома, — растерялась Ольга, которая совсем не была готова к такому обороту. К тому же Димки действительно дома не было.

— Конечно, как же иначе, — фыркнул шантажист. — Вот что, мамочка. Готовьте-ка деньги, время уговоров кончилось, послезавтра позвоню в это же время. Чтобы все было тип-топ. Ясенько?

Павел, молча наблюдавший, как жена ведет переговоры с вымогателем, вдруг взорвался:

— Все! Хватит! Наглецов надо учить. Я немедленно иду в милицию и пишу на него заявление. Мало он нам крови попортил!

— Да что ты, Пашенька, — попыталась урезонить его жена, — пусть себе звонит, мы же его не боимся. Позвонит еще какое-то время и перестанет.

— Перестанет? А если он вздумает осуществить свою угрозу? Он же не верит, что мы все рассказали Диме, и может попытаться поймать его где-нибудь на улице, чтобы открыть ему глаза на историю рождения. А ты уверена, что Димка спокойно это воспримет? Не кинется бить ему морду? Или не испугается до нервного шока? Я не хочу, чтобы этот ублюдок встретил моего сына в каком-нибудь тихом уголке.

Он выскочил в прихожую и начал быстро одеваться. Ольга рванулась было за ним, но внезапно поняла, что муж прав. Безусловно прав.

2

В кабинет начальника следственной части городской прокуратуры Константин Михайлович Ольшанский входил без трепета. Во-первых, он давно и хорошо знал своего начальника, а во-вторых, точно так же хорошо знал, что его собственная резкость, порой граничащая с откровенным хамством, служит ему надеж-

ной защитой. Ольшанского в прокуратуре не любили и связываться с ним боялись, хотя и отдавали должное его профессионализму и безупречной юридической грамотности.

Константин Михайлович был от природы щедро наделен мужской красотой, но ухитрялся при этом выглядеть недотепой-замухрышкой, в вечно мятом костюме, плохо вычищенных ботинках, очках в старомодной, давно поломанной и наспех склеенной оправе. Самое удивительное, что Нина, жена Ольшанского, тщательно следила за его одеждой и обувью и отправляла мужа по утрам на работу в более чем приличном виде, но уже на полпути к прокуратуре все ее старания шли прахом. Природу этого загадочного явления не понимала ни она, ни сам Константин Михайлович, ни его близкие друзья, а две его дочери, начитавшись научной фантастики, дружно утверждали, что у папы «особенное биополе».

Вот и сейчас он стоял в кабинете начальника следственной части с понурым и несчастным видом, но вид этот мог обмануть кого угодно, только не тех, кто хоть раз имел дело со старшим следователем Ольшанским.

— Костя, мне нужно, чтобы ты из этого дела сделал конфетку.

С этими словами начальник протянул Ольшанскому тоненькую папочку с вложенными внутрь несколькими листками.

— Что это? — спросил Ольшанский, беря в руки совсем еще невесомое уголовное дело.

— Это дело о телефонном хулиганстве и вымогательстве. Некий гражданин вымогает деньги у супругов Красниковых под угрозой разглашения тайны усыновления.

— Не понял.

Константин Михайлович аккуратно положил папочку на стол, словно она могла взорваться.

— Телефонное хулиганство — не наша специаль-

ность, этим должна заниматься милиция. Чего ты от меня-то хочешь?

— Я хочу, чтобы ты расследовал дело о разглашении тайны усыновления.

Ольшанский открыл папку и быстро, по диагонали просмотрел имеющиеся там документы.

— Но здесь нет заявления потерпевших о разглашении тайны. Здесь только жалоба на телефонное хулиганство.

— Вот ты и возбуди дело о разглашении тайны, — сказал начальник. — Ты следователь, тебе и карты в руки.

Ольшанский недоверчиво глянул на него.

— Ты можешь мне объяснить, зачем? Что ты затеял? Как вообще это «телефонное» дело к тебе попало?

— Да не затеял я ничего, Костя. Что ты, ей-богу, во всем подвох видишь. Прокурор города проводил выборочную проверку санкций, даваемых окружными прокурорами, и наткнулся на бумагу из окружного УВД с просьбой разрешить прослушивать переговоры, ведущиеся с телефона, установленного в квартире граждан Красниковых, в связи с заявлением последних о том, что им систематически звонит неустановленное лицо и вымогает деньги под угрозой разглашения тайны усыновления. И ставит прокурор перед работниками милиции вполне законный вопрос: а откуда сей резвый шантажист узнал тщательно скрываемую тайну? Не иначе, кто-то ему сказал, тем самым тайну разгласив. А это — статья сто двадцать четвертая «прим» нашего горячо любимого и пока еще никем не отмененного Уголовного кодекса. Вот и весь сказ.

— Неубедительно, — покачал головой следователь. — К тебе-то как дело попало? Что, эти Красниковы — знакомые нашего прокурора? Почему он не отдал дело в окружную прокуратуру?

— Почему, почему, — проворчал начальник следчасти. — Потому что. Он хочет получить образцово-показательное дело, вроде учебного пособия для мо-

лодых следователей, чтобы с него можно было брать пример. Разве еще пять лет назад кто-нибудь мог предположить, что нам придется оформлять дела об оскорблении и клевете? Да они встречались-то раз в сто лет и шли через суд как дела частного обвинения. А теперь сейфы ломятся от дел о защите чести и достоинства. Они, конечно, не уголовные, а гражданские, но надзирать-то прокуратуре все равно приходится. А разглашение тайны усыновления — уже наш хлеб, и не сегодня-завтра эти дела могут посыпаться, как крупа из рваного пакета.

— Откуда такой прогноз?

— От аналитиков наших, откуда же еще.

— А ты им веришь, что ли? — презрительно хмыкнул Константин Михайлович.

— Ну... Не всегда, но в данном случае верю. За деньги можно купить любую информацию, и чем больше денег на руках у людей, тем чаще они используют именно для этого. Это во-первых. А во-вторых, разглашение тайны может использоваться как хороший повод содрать с ответчика денежки за моральный ущерб. И мы должны встретить эти иски во всеоружии, чтобы никто, никакие адвокаты и судьи не смогли нас упрекнуть в том, что мы не умеем собирать доказательства и правильно их оформлять. Бывший КГБ здорово умел такие дела «шить», когда занимался проблемами разглашения государственной тайны, а у нас навыка нет. Я хочу, чтобы ты продумал всю систему доказывания по таким делам, определил источники доказательств, оформил образцовые протоколы и постановления. Для этого я и отдаю тебе дело Красниковых. Ты из всех наших следователей самый грамотный, только ты и сможешь сделать все как следует. Я тебе доверяю, Костя, доверяю твоему профессионализму и мастерству. Я знаю, что ты меня не подведешь и эти материалы не стыдно будет показать прокурору.

— Польщен доверием, — ехидно ухмыльнулся Ольшанский, отвечивая шутовской поклон. — Зна-

чит, как образцовые дела лепить, так Костя. А как материальную помощь дать, так вам, Константин Михайлович, отказано. Здорово у тебя выходит, ничего не скажешь.

Начальник досадливо поморщился.

— Ладно тебе, теперь до старости будешь мне эту материальную помощь поминать. Ты же знаешь, у наших финансистов в тот момент денег не было. Тебе же объясняли.

— Ну да, а тебе на премию в размере трех окладов деньги у них нашлись. Слушай, не морочь ты мне голову. Дело возьму, поручение твое выполню, а льстить мне и в друзья набиваться не надо. Вполне достаточно того, что ты мой начальник.

— Ох и характер у тебя, Константин, — вздохнул начальник следственной части.

— Какой есть, другого на склад не завезли, берите что дают, а то и эти кончатся, — резко отпарировал Ольшанский, покидая кабинет руководства с зажатым под мышкой тоненьким досье.

3

Леонид Лыков, двадцати восьми лет от роду, наполовину плешивый, а на оставшуюся половину весьма и весьма кудрявый, с аккуратненьким «пивным» брюшком и быстрыми блестящими глазками, вертелся на стуле перед Ольшанским, как уж на сковородке. Несколькими часами назад он был задержан, когда в очередной раз пытался по телефону убедить Ольгу Красникову подарить ему десять тысяч долларов в обмен на сохранение в тайне сведений, уже потерявших свою ценность. И теперь Константин Михайлович клещами вытаскивал из него ответ на вопрос, а от кого же сам Лыков получил такие сведения.

— Мне эти сведения дал Галактионов Александр Владимирович, — потупив глаза, сообщил Лыков.

— Зачем? С какой целью он вам их сообщил? Вы

должны были поделиться с ним деньгами, которые намеревались получить от Красниковых?

— Не, — возмущенно протянул Лыков, — Галактионов не по этой части. У меня долги были, вот он и посоветовал, как можно денег раздобыть. Бескорыстно, между прочим.

— А он сам откуда узнал об усыновлении?

— А я знаю? — ответил Лыков вопросом на вопрос, выразительно пожимая плечами.

— Вы не спрашивали его об этом?

— Не-а. Какая мне разница? Я первый раз позвонил и по реакции понял, что он не обманул.

— И вы даже не предполагаете, откуда у него могли появиться эти сведения? Припомните, Лыков, может быть, из его слов можно было понять, что это его знакомые или родственники? Ну, подумайте как следует.

— Да чего думать-то! Точно вам говорю, не знаю. Я к нему подъехал, мол, нельзя ли занять у него под проценты денег месяца на три, а он и говорит, что у него не благотворительный фонд, а если мне деньги нужны, то вот по такому-то телефончику можно попробовать, там родители и усыновленный мальчик. Имена сказал, адрес, телефон. Вот и все.

— Ладно, — вздохнул Ольшанский, — давайте все данные на этого Галактионова, буду проверять ваши байки. Адрес, телефон, место работы.

— Так у вас же есть! — неподдельно удивился Лыков.

— Что у меня есть? — нахмурился Ольшанский.

Лыков замолк, озадаченно глядя на следователя.

Он даже ерзать на стуле перестал.

— Д... Данные... — запинаясь, произнес он.

— Какие данные?

— На Г... Г... Галактионова. Он же умер. В смысле, его убили.

— Что?!

Ольшанский сорвал очки и впился взглядом в несчастного Лыкова. У Константина Михайловича была